

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Депутатская группа по связям с парламентом Японии
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 8
— СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК —

*** апрель 2001 г. ***

*История российско-японских отношений испещрена пятнами, причем, к сожалению, не только белыми, но и черными. Лучшее средство от таких пятен - правда, лучший пятновыводитель - документ. Известная в России опера “Юнона и Авось” никогда не будет популярна в Японии. Почему? Ответы на этот и другие, более важные вопросы - в историко-документальном исследовании известного российского японоведа **Алексея Алексеевича Кириченко**, которое любезно предоставлено автором для опубликования в настоящем выпуске Информационно-аналитического бюллетеня Депутатской группы по связям с парламентом Японии, за что редколлегия выражает Алексею Алексеевичу искреннюю признательность.*

Пиратские корабли “Юнона” и “Авось”

Оглавление:

	стр.
1. Неудача посольства Н.П. Резанова	1
2. Секретная инструкция Н.П. Резанова	2
3. Первый пиратский набег	5
4. Второй пиратский набег	8
5. Бандитский Петербург	12
6. Японские невольники	15
7. Бесславный конец	16

1. Неудача посольства Н.П. Резанова

В 1799 году указом императора Павла I и под его непосредственным патронажем была создана Российско-Американская Компания (РАК), которая получила в наследство от частной компании умершего купца Г. Шелехова обширные владения на американском континенте и на Дальнем Востоке. Царская семья владела в этой компании значительным пакетом акций и была заинтересована в ее эффективной деятельности.

Председателем этой полуправительственной компании был назначен зять Шелехова граф Николай Петрович Резанов, который до этого занимал пост обер-прокурора первого департамента Сената. Человек решительный и энергичный, имевший влиятельные связи в правительственных кругах России и пользовавшийся покровительством российского императора, он снарядил и возглавил первую русскую кругосветную экспедицию на судах “Надежда” (командир Крузенштерн) и “Нева” (командир Лисянский), которые 26 июля 1803 г. отправились в плавание.

Среди разнообразных задач, которые предстояло решить Н.П. Резанову, одной из самых сложных был вопрос об установлении с Японией дипломатических и торговых отношений, в чем Россия была крайне заинтересована, так как хотела наладить с соседней страной постоянные связи на государственном уровне, ибо остро нуждалась в снабжении продовольствием своих владений на Дальнем Востоке и на американском континенте.

В те времена Япония была “закрытой” страной и не допускала иностранцев в свои пределы, опасаясь насильственной колонизации. Исключение было сделано только для голландских купцов, да для мелких китайских торговцев, которым разрешалось вести ограниченную торговлю на искусственно созданном острове Дэсима напротив Нагасаки.

26 сентября 1804 года Н.П. Резанов на “Надежде” прибыл в гавань Нагасаки. Однако японцы встретили нежданных гостей враждебно и, продержав их почти полгода под “домашним арестом”, на предложение русских установить постоянные контакты на государственном уровне не пошли. 6 апреля 1805 года Н.П. Резанов покинул Нагасаки.

Несомненно, основной причиной неудачи посольства Резанова было стремление Японии сохранить свою неприкосновенность и не стать колонией. Сыграли свою роль и интриги голландцев, не желавших иметь конкурентов. Однако есть еще два момента, которые следует иметь в виду.

Во-первых, нельзя забывать слова замечательного российского японоведа и китаеоведа Д. Позднеева, который еще в 1909 году писал, анализируя ход переговоров Резанова с японцами: “Сличение

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

документов русских и японских показывает, что русские во многих случаях совершенно неправильно представляли себе поведение японцев и давали действиям последних совсем не тот смысл, какой они имели в действительности¹. Значит, переговоры шли на таком уровне, что стороны не понимали друг друга.

Во-вторых, русские не могли предложить японцам достойного товара, кроме мехов и рыбы, в обмен на хлеб и другие продукты. Меха не пользовались спросом в находившейся в “самоизоляции” Японии, а рыбу в достаточном количестве японцы вылавливали сами не только для употребления в пищу, но и для удобрения рисовых полей.

Во время пребывания в Японии кое-кто из заинтересованных в торговле с Россией деловых японцев советовал Резанову проявить настойчивость и силой заставить Японию торговать с Россией. В частности, ему подсказали, что японские купцы уже активно ведут торговлю на острове Сахалин и Курильских островах, на которые Россия претендовала как на свои территории. “Чего же медлит Россия?” – намекали “доброжелатели”.

По пути из Нагасаки 1 мая 1805 года “Надежда” вошла в губу Анива на южной оконечности острова Сахалин. Выяснив, что японцы уже несколько лет ведут торговлю с проживавшими на Сахалине айнами, Резанов взял курс на американский материк. Там он решил ряд неотложных вопросов, связанных с деятельностью российской фактории, но его не покидала мысль о том, что не смог установить контакт с Японией.

И он принял решение попытаться силовыми методами заставить японцев изменить их позицию по отношению России. По его указанию был куплен у американского предпринимателя фрегат “Юнона” и построен тендер “Авось”, командирами которых он назначил работавших в РАК по контракту флотских офицеров лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова. На борту “Юноны” 15 сентября 1806 года Н.П. Резанов прибыл в Охотск, а тендер “Авось” был направлен описывать острова Симушир и Уруп Курильской гряды.

8 августа 1806 года Н.П. Резанов по пути в Охотск подготовил секретную инструкцию, которую должны были осуществить суда “Юнона” и “Авось” под общим командованием лейтенанта Хвостова.

Об этой инструкции из десяти пунктов российские исследователи предпочитают подробно не говорить, а вспоминают о ней вскользь, хотя в листе ознакомившихся с ней значится восемь человек, начиная с Э. Файнберг в 1958 году и кончая А. Плотниковым в 1993 году².

Для понимания того, а что же такое произошло почти двести лет назад между Россией и Японией, что японцы до сего времени недобрым словом вспоминают русских, необходимо, на мой взгляд, знать в полном объеме, а не в препарированном пересказе, что же на самом деле было написано в этой инструкции и как она была исполнена. Это должно открыть читателю глаза, почему японцы так не любят рок-оперу “Юнона” и “Авось”, которая вот уже более двадцати лет не сходит со сцены Московского “Ленкома”.

2. Секретная инструкция Н.П. Резанова.

8 августа 1806 года камергер Н.П. Резанов дал следующие указания лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову:

**Инструкция начальствующему
секретарю экспедиции флота
г-ну лейтенанту Хвостову.**

Предприняв совершить сего года к Курильской гряде и острову Сахалину экспедицию, с нетерпеливостью снедал я времени столь лестного для меня исполнения и потом личного в успехах оной всеподданейшего его Императорскому Величеству донесения. Но как неравенство хода между собою судов наших отнимает время, которого по Охотской навигации столь мало остается, что по преобразованию Американских областей к торговле в приличном достоинству империи виде их имея нужду быть в Санкт-Петербурге должен я необходимо исполня что-либо одно, пожертвовать другим, то, что не теряя времени согласить все сие к одной точке, принужденным нахожусь сделать соответственное тому распоряжение. Заменяясь известным мне рвением и усердствованием, и потому уверяя вам исполнение сего подвига, столько же долгом поставлю ввести вас в познание тех государственных видов к пользе компании, которых я предпринял оную.

1. Сделано в 1795 году от компании заселение 18 курильском острове Уруп, тогда Александр переименованном имело целию мену рухлядью и торговлю через мохнатых курильцев

¹ Позднеев Д. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России, том 2, Иокохама, 1909, стр.11.

² Архив внешней политики российской империи (АВП РИ, Фонд Сант-Петербургский государственный архив (СПбГА), 1-13, опись 10, 1803-1812, дело 14, стр. 37-42.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

с Японию. Смерть гражданина Шелехова прекратила вдруг все сии великие виды и недеятельность компании лишила ее с тех пор всяких об нем сведений. Обзорение сего острова, на котором остался передовидщик Звездочетов с 11 человеками и 3 женщинами будет знатная для компании услуга и послужит основанием к предбудущему. Здесь должен я сказать вам, что нашед Звездочетова на острове, следует взять с него сказку о всех со времен прибытия его происшествиях, осмотреть вверенные ему капиталы в знатной сумме товаров, двух орудиях, на 33 человека комплектное число ружей, винтовок, сабель и прочее, так же есть ли у них промысел и сколько взять его с собою и собрать на острове о соседственных японцах сведения и сменя Звездочетова определить передовщиком Широглазова, а его доставить к г-ну правителю Американских областей Баранову, который о дальнейшем исполнении от меня извещен будет. Прочих же оставшихся с Звездочетовым промышленных переписать, спрося их надобности и подкрепя сколько силы позволят между тем одобрить их тем, что в будущем году будет к ним нарочно судно отправлено. О необходимом же доставлении того, что потребно им, меня уведомить. Я должен сказать вам, что в бытность мою на острове Матмае слышал я от японцев, что на Урупе русских нет и что через мохнатых курильцев, они производят там промысел, ездят туда для мены ежегодно. Хотя не совсем я тому верю, но поставляя сие на вид в осторожность, скажу генерально в особом пункте как поступать с японцами и курильцами. Гавань, в которой поселился Звездочетов лежит на полуденной стороне острова. Предметы пред нею...некур столбом по обе стороны которого как слышно проходили суда, но сие лишь известно только по слухам и я оставляю искусству командиров судов исследовать справедливость оных, употребляя к тому живших на сем острове близ трех лет промышленников Широглазова и Вардугина, которые на сей предмет назначены в экспедицию.

2. Гавань на северной стороне 16-го Курильского острова будет великим для будущих видов пособием. Я должен сказать вам, что известной Август Бениовский имел релаш в ней по уходу его из Камчатки и бывшие с ним штурман Бочаров и Измаилов доброту и превосходство ея. Промышленные Широглазов и Вардугин были в ней были в ней так же и будут вам в сем случае помощь. В 1794 году иностранное трехматчевое судно делало ей описание, но само не входило, а посылало бот. Вы постарайтесь разведать, не было ли после того опять каких судов и сделав описание гавани, обо всем доставить мне обстоятельное известие.

3. Поставя вам предметом оба вышеуказанные острова, заметить должны вы, что исполнение первых двух пунктов имеет целью усилия наши к достижению выгодной для нас торговли с японскою империей, на которую дав первое согласие, потом при отправлении на сей конец посольства столь вероломно отказала она единственно по случаю усиления в Министерстве противной нам партии. Я не скрою от вас, что народ сколько известно мне желал торговать, а потому считая нужным поставить оной сколько можно более в не удовольствие к сделанному России в торговле отказу надеюсь, что внутренний ропот скорее принудит горделивую державу сию к снисканию торговых связей с нами, когда сама она увидит, что вредить нам не в силах, но чувствовать от нас вред всегда должна будет не имея притом ни малейших к отвращению онаго способов. Следовательно удача в первом исполнении и продолжение от правительства нашего деятельных мер необходимо сблизить должны японцев к желаемой цели.

4. Остров Сахалин будет также значущим к сему плану предметом. На японских картах часть онаго означена особым островом под именем Карафута полагая оный особливим мелким проливом отделяющим от Сахалина, который называют они островом Сандан и считают принадлежностью китайской империи. Существует ли сей, сие не известно, ибо японцы и сами северной части не посещают, но известно то, что островом Карафута называют они южную оконечность Сахалина в проливе Лаперуза губу Анива заключающую. На Сахалине обитает весьма добронравный и одинаковый с жителями северной части Матмая народ Аино, который японцы совершенно поработили. В губе сей имеют они на обеих сторонах ее фактории для рыбной ловли, и не более как в 1796 году водворились. Приезжают в половине апреля, обирают зимою добытый жителями звериный промысел и употребляя их в работы свои живут до октября пока лов производится. Компании купцов из Осаки предприняли торг сей и правительство на правом со входа берегу содержит двух офицеров с некоторым числом военнслужащих для караула, которые на лето их Матмая присылаются, но никогда не зимуют. Главное селение сие лежит при одной бухточке, содержит казармы офицерские и купеческие, кумирню и 8 обширных магазинов, пушек еще не имеют. Далее во внутренность губы на другом берегу при устье речки лежит другая фактория, состоящая из одной огромной казармы и 8 магазинов. В лесу вокруг обоих селениев разбросаны временные юрты сахалинцев, из которых некоторых японцы вооружили копь-

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

ями. Во всей губе жителей до 500 человек. Дав вам понятие о состоянии острова сего, предписываю:

Первое - Войти в губу Анива и буде найдете японские суда, истребить их, людей годных в работу и здоровых взять с собою (подчеркнуто мною - А.К.), а неспособных отобрать, позволить им отправиться на северную оконечность Матмая, сказав, чтобы никогда они Сахалин как российского владения посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга, к которому всегда россияне готовы будут. В числе пленных стараться брать мастеровых и ремесленников.

Второе - Взятых оттуда японцев иметь вами в строгом присмотре на судне вашем, но не огорчать их уверяя, что доля их будет счастливее прежней и потому сохранить им их собственность и всех в Ново-Архангельск доставить.

Третье - Ежели силы позволят Вам сделать высадку, то в таком случае стараться обласкать сахалинцев, уверить их, что принадлежат они такому монарху. Под защитою которого всегда спокойными быть должны, отличить старшин медалями, которых 20 вручаю вам здесь и одарить их сукном, капотами и другими вещами на судне вашем имеющимся, о которых реестр вам прилагаю, а между тем произвести с ними мену, чтобы узнать образ оной.

Четвертое - Что найдете в магазинах, как то: пшено, соль, товары и рыбу как принадлежащие Целому Купеческому Обществу взять все с собою, а последней сколько можно; буде же которья будут ею наполненными и одаль строения, таковых сжечь, оставляя казармы и всякое строения в целости впредь для удобнейшего соотчицам нашим водворения.

Пятое - Из кумирни забрать все идолы и захватя одного бонза или должность его отправляющего, взять с собою в Америку, где Япония при свободном отправлении веры их более к водворению найдут удовольствие и впоследствии времен обзаведясь будут нам привлекать своих соотчицей. Исполня же все сие следовать вам в порт Ново-Архангельск обоим судам.

5. В рассуждении сахалинцев и японцев всюду где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред истреблением судов их, но всюду сколько можно сохранять человечество, ибо весь предмет жестокости не против честных людей обращен быть должен, но против правительства, которое лишая их торговли держит в жестокой неволе и бедности и следовательно всякое японцам сделанное снисхождение обратит их более к заключениям о россиянах, что они великодушны и тогда столько не из страха колько из благодарности принужденными найдутся искать торговли.

6. Но как экспедиция сия по разлучении судов должна разделена быть и ея исполнение то командиру тендера “Авось” поручить исполнение первого и второго пунктов назнача по возвращению вашему соединиться с ним где и в которое время вы за благо признаете, чтобы быть вместе в губе Анива. Здесь должен я сказать вам, что берега губы сей сокрыты бурунами и следовательно следует обласкать сахалинцев, чтобы дали они для переезда лотки свои, которые весьма к тому способны. Ежели же г. мичман Давыдов придет прежде вас и вы в назначенное время не поспеете, то сколько же будучи уверен в благоразумии его и деятельности предоставляю ему действовать по сей инструкции, сколько позволит ему малые силы его и способы и потом возвратиться в Ново-Архангельск.

7. Ежели паче чаяния великое количество японских судов превзойдет силы ваши, то само по себе следует, что лишитесь вы возможности исполнить предписание; тем не менее будет дел вам стараться буде можно истребить суда их (подчеркнуто мною - А.К.), поступая с японцами как в 4 и 5 пункте означено.

8. Стараться у японцев разведать, где именно они на других островах гряды Курильской водворились, какие получают звери, на какие товары меняют, куда сбывают мягкую рухлядь, в каком количестве какой зверь у них расходуется может, сколько судов в которое время куда отправляются и есть ли у них по гряде где селения и способные гавани. Для лучшего к получения сведений облегчения, прилагаю вам словарь японского языка, и небольшой сахалинского, предоставляя вам последний умножить новым собранием слов стараясь весьма верно записывать выговор их и новые добавить.

9. Успехи первого сего опыта столь интересны, что желательно бы скорее получить об них известие и на сей конец предписываю вам, буде ветры позволят, зайти в Камчатку, где отдав в Петропавловской гавани для отправления с нарочным эстафетом депешу содержащую историческую о плавании обоих судов и всех происшествиях записку, потом в назначенный путь следовать.

10. По прибытии нашем в Охотск обязать на судне вашем всех подписать, чтобы никто не разглашал о намерении экспедиции сей и чтоб исполнение ея в совершенной тайне было.

Искусство и знание как господ командиров судов, так в соответствии им и усердие всех

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

*служащих, порукою мне в ожидании таких известий, которые сделают славу вам и откроют новые и прочные отечеству виды*³.

Эта инструкция была вручена лейтенанту Хвостову в сентябре 1806 года. Однако накануне отплытия “Юноны” из Охотска ему доставили дополнение к инструкции, в которой отразились терзавшие Резанова сомнения в правильности того, что он ранее предписал исполнить Хвостову и Давыдову.

Дополнение к инструкции.

По прибытии моем ныне в Охотск нахожу нужным вновь распространиться с вами рассуждением по сделанному вам поручению.

*Оказавшийся перелом в фок-мачте, противные ветры плаванию нашему попрепятствовали в самое позднее осенне время обязывают вас теперь поспешить в Америку. Время назначенное к соединению вашему с тендером в губе Анива пропущено. Желаемых успехов по окончании уже там рыбной ловли ныне быть не может и притом сообразуясь со всеми обстоятельствами нахожу лучшим все прежде предписанное оставя следовать вам в Америку к подкреплению людьми порта Ново-Архангельска. Тендер “Авось” по предписанию и без того возвратиться должен; но ежели ветры без потери времени обязуют вас еще зайти в губу Анива, то старайтесь обласкать сахалинцев подарками и медалями и взгляните в каком состоянии водворение на нем японцев находится, довольно исполнение и сего сделает вам честь, а более всего возвращение ваше в Америку существенную пользу приносящее должно быть главным и первым предметом вашего усердия и так подобным наставлением снабдите вы и тендер, буде с ним встретитесь. Впрочем в плавании вашем могущие непредвиденные обстоятельства соглашать вы сами будете с пользами компаса и искусство ваше и опытность конечно извлекут лучшее к достижению исполнения сего последнего предписания. Я с моей стороны крайне жалею, что порт здешний не способен к перемене вам мачты и что стечение обстоятельств обязало и меня к перемене плана. Николай Резанов. № 609. Сентября 24 дня, 1806 г., Охотский порт*⁴.

Но Хвостов проигнорировал расплывчатое дополнение к инструкции и повел себя так, как больше его душе было удобно.

3. Первый пиратский набег

Прогнорировав дополнение Резанова к инструкции, Хвостов решил ревностно выполнять предыдущий приказ великосветского вельможи.

Покинув 27 сентября порт Охотск фрегат “Юнона” взял курс к губе Анива, в которой оказался 6 октября. На следующий день лейтенант Хвостов в сопровождении 17 вооруженных матросов высадился на берег, где произошла его первая встреча с сахалинцами, которым он пытался жестами внушить, что корабль нуждается в питьевой воде.

Следуя определенной инструкцией линии поведения с сахалинцами, Хвостов одарил их разного рода подарками, после чего они стали смелее и дружелюбнее. Хвостов при этом признает, что “ни малого не хотел дать им подозрения, что нужно знать мне селение японцев”⁵. Из этого следует, что основной его заботой был сбор сведений о японцах.

На следующий день лейтенант Хвостов вновь высадился на берег, задобрив островитян подарками и “разными безделицами: “А на старшину селения надели лучший капот и медаль на владимирской ленте””⁶.

Факт о вышеуказанном награждении старшины селения непременно подчеркивается российскими исследователями, как акт доброй воли и признак принадлежности острова Сахалина Российской империи⁷. Формально это и выглядит так, ибо награждение старшины медалью было сопровождено выдачей ему следующей грамоты на русском языке:

“1806 года октября дня Российской фрегат “Юнона” под начальством флота лейтенанта Хвостова в знак принятия острова Сахалин и жителей онаго под все милостивейшее покровительство Российского Императора Александра Первого, старшине селения лежащего на восточной стороне губы Анива, пожалована серебряная медаль на Владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно как российское, так и иностранное просим старшину сего признавать за рос-

³ Там же, стр. 37-41.

⁴ Там же, стр. 41-42.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ Там же.

⁷ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., ИВЛ, 1960, стр. 98.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

сийского подданного”⁸.

Ввиду того, что русские пришельцы и аборигены из-за незнания языка общались едва ли не знаками пантомимы, сахалинские айны, видимо, не поняли всей процедуры награждения и посвящения их в российское подданство. Да и как можно было понять людям, не имеющим своего государства, каком-то подданстве? Хотя российские исследователи имеют другое мнение⁹.

Губа Анива была незнакома русским морякам, однако, как писал Хвостов, в связи с тем, что он спешил в Америку, он не стал ее описывать, а первым делом решил искать поселения японцев, считая, что данные о них пригодятся будущей весной, если будет возобновлена экспедиция с целью нанесения вреда японской коммерции около островов Нипона и Матмая (о. Хоккайдо)¹⁰.

Продолжая свои встречи с айну, Хвостову удалось выяснить, что в одном из селений осталось на зимовку несколько японцев. 11 октября “Юнона” приблизилась к этому селению и лейтенант Хвостов в сопровождении 22 вооруженных членов команды высадился на берег, где в большой казарме увидел четырех японцев и 70 молодых айну, которых японцы использовали на работах. Хвостов представился им, что он русский и просил его не бояться. Японцы представились в свою очередь, а затем, как пишет Хвостов, “потчивали нас пшеном”¹¹ и вместо ложек дали палочки, которыми ни один из нас есть не мог”¹². Хвостов с юмором далее поясняет, что не смогли они есть палочками “еще более потому, что видели много японских сараев и думали, ежели они со пшеном, то и после успеем (то есть поесть - прим. А.К.)”¹³.

Лейтенант Хвостов, к сожалению, не оставил нам свидетельств того, была ли проведенная вскоре грабительская в отношении японцев операция заранее спланирована, или его подчиненные понимали своего начальника с полувзгляда. Скорее всего они были одного поля ягоды.

Пока заместитель командира фрегата “Юнона” лейтенант Карпинский и подмастерье Корюкин занимали японцев разговорами лейтенант Хвостов незаметно, как ему казалось, выскользнул из казармы и бегло осмотрел рядом стоящие сараи и магазины. Хотя они и были заперты, но Хвостов определил, что они не пустые и “решился не отлагать время далее”¹⁴.

А далее события развивались стремительно. Лейтенант Карпинский с тремя вооруженными “человеками” занял в казарме южные, а подмастерье Корюкин - западные двери. Семь безоружных матросов с веревками в руках окружили японцев и схватили их. Японцы закричали и перепуганные айну бросились к дверям, смяли выставленный Хвостовым караул и вырвались из казармы. Один из японцев был настолько силен, что с ним едва справились три матроса, но все-таки троих связанных японцев отправили на яле на фрегат “Юнона”, а одного оставили при себе¹⁵.

Когда оставленный японец открыл магазины и сараи, Хвостов прямо ужаснулся от хранящихся в них товаров и “чтобы не терять времени даром приказал из магазина, который наполнен был пшеном, таскать оное на свои гребные суда”¹⁶.

Хвостову “оставалось только пожалеть о том, что не только всех магазинов, но и одной крыны не в силах погрузить, потому что судно было очень нагружено”¹⁷.

Учинив разбой с японцами, Хвостов, тем не менее, не забыл аборигенов, которым “в поощрение” отдал на разграбление один “наполненный” магазин для них в оплату за то, что они помогли в погрузке японских товаров на судно. Сахалинцев долго уговаривать не пришлось и через полчаса этот сарай они опустошили, а затем стали помогать русским перевозить захваченный рис на судно. Всего за этот день четыре гребных суда и несколько лодок аборигенов дважды доставляли награбленное на российский фрегат.

На второй день погрузка продолжалась. Причем айну на трех японских лодках успели совершить пять рейсов, и Хвостов только сожалел, что “судно наше чрезвычайно грузно и чрезвычайно утеснено”¹⁸.

Когда добычу размещать на “Юноне” уже было негде лейтенант Хвостов “позволил” сахалинцам брать из японских магазинов все, что они захотят.

В этот же день Хвостов приказал своим подчиненным поджечь три японские сарая, в которых хранился заготовленный японцами строевой лес, доски и невода. Пожар, по всей вероятности, был достаточно силен, ибо он стал быстро распространяться и грозил перекинуться на недалеко расположенное селение айну, поэтому русским морякам пришлось его тушить. Увидев такое старание команды фрегата, которая спасла юрты аборигенов от уничтожения, последние от испуга пришли в себя,

⁸ АВП РИ, стр. 47.

⁹ Э.Я. Файнберг, указ. соч., там же.

¹⁰ АВП РИ, стр.48.

¹¹ В те времена рис именовался “сорочинское пшено”.

¹² АВП РИ, стр. 50.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

“поднимали руки кверху, радовались и скакали”¹⁹.

А как же оценивали вышеописанные разбойничьи действия российских моряков наши исследователи? Э.Я. Файнберг, например, писала: “6 октября Хвостов прибыл в залив Анива. После обследования побережья (выделено мною - А.К.) русские раздали айну часть продуктов из японских складов”²⁰. И все - о разбое ни слова. Далее автор пишет: “В одном из селений возник пожар. Хвостов “юрты природных жителей во время пожара защищал своими людьми”²¹. Прямо хоть плачь от умиления - так самоотверженно вели себя российские моряки. Сами подожгли, но сами же и потушили.

На следующий день Хвостов снова высадился на берег, чтобы попрощаться с айну и “довершить начатое”, а также поинтересовался, что же стало с остальными японскими магазинами, которые накануне еще не были разграблены. К своему удивлению Хвостов “нашел их до такой степени пустыми, что даже гвозди из стен были вытасканы”. Хвостов, видимо, понял, что сахалинский абориген ничуть не лучше российского моряка. Его только удивило, “куды такое большое количество в короткое время успели перетаскать”²².

Но “обласканные” русскими моряками и принятые в российское подданство айну оказались не такими уж и безобидными. Это особенно проявилось, когда Хвостов отправил на разведку пять человек узнать, нет ли поблизости еще японских селений. Версты три от берега они обнаружили селение айну и одарили жителей безделушками. В это время вдруг выскочило несколько человек и напало на русский отряд, схватили двух матросов и куда-то потащили, а остальные айну бросились на оставшихся троих и пытались отнять ружья. Одному из матросов удалось выстрелить вверх и от звука выстрела айну перепугались и разбежались.

“Неприятельский поступок сей, - пишет Хвостов, - заставил меня несколько оных захватить”²³. Хвостов однако не стал наказывать провинившихся, а одарил их подарками. Ему удалось узнать, что айну напали на русских моряков по наущению японцев. Айну сразу же раскаялись и попросили русских защитить от притеснения японцев.

Урегулировав отношения с айну, Хвостов, “чтобы нанести более вреда японцам”²⁴, приказал захватить остальные японские магазины, казарму и кумирню. Хвостов с удовольствием отметил, что “островитяне помогали в сем очень усердно”²⁵.

16 октября фрегат “Юнона” покинул губу Анива и взял курс на Камчатку. 10 ноября “Юнона” вошла в Петропавловскую гавань, где в то время уже находился тендер “Авось”. Хвостов должен был следовать в Америку, но фрегат “Юнона” нуждался в ремонте и по этой причине оба судна остались на зимовку на Камчатке.

Хвостов написал и отправил в Санкт-Петербург отчет о выполнении инструкции Резанова. В частности он указал, что поступил согласно пунктов 4 и 5 и уничтожил десять японских магазинов, казарму и кумирню и захватил четырех японцев, “сколько можно было поместить в судно взял пшена, соли, неводов, котлов чугунных и разной мелочи”²⁶.

Хвостов особо подчеркнул, что в разных селениях на Сахалине наградил шесть айну медалями, щедро их одарил, а “позволенным расхищением японских богатых магазинов привязал сердца их к россиянам”²⁷.

Хвостов также приказал взять на судно кумирню, однако пожалел, “что не мог совсем всего искусно сделанного маленького храма перевезти и для того сжег, как кумирню, так и все японские строения, а юрты природных жителей во время пожара защищал своими людьми”²⁸.

Докладывая о захваченной добыче, Хвостов сообщал, что из разграбленной фактории на судно было погружено “пудов до тысячи сорочинского пшена, пудов до ста соли, до ста неводов, несколько прядева, четыре больших и десятка два малых чугунных котлов (первые весьма удобны в Камчатке для варения соли), два ящика чашек, несколько десятков топоров, серпов и ножей”²⁹.

Хвостов сетовал, что из-за загруженности “Юноны” удалось перевезти на фрегат только одну четвертую часть захваченной у японцев добычи. Остальное имущество было отдано на разграбление айну, а стороения и девять гребных японских судов были сожжены.

Осознавая, что его экспедиция в губу Анива непременно вызовет неоднозначные толкования как в Японии так и в России, Хвостов в своем докладе в Санкт-Петербург попытался доказать, что и допущение к инструкции Резанова не противоречило предварительно отданным его указаниям, ссы-

¹⁹ Там же.

²⁰ Э.Я. Файнберг, указ. соч., стр. 97.

²¹ Там же, стр. 97-98.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 52.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 57.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 57-58.

²⁹ Там же.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

лаясь на слова: “Ежели ветры обяжут без потерь времени, то зайти в губу Анива”³⁰.

Хвостов подчеркивает, что по этой причине он, осматривая в губе Анива состояние японских факторий, “увидел ясно, что предполагаемая вторая причина не есть важна и не должна останавливать назначенных в инструкции предприятий, ибо хоть лов рыбы и пропущен был однако в магазинах оной было в изобилии... ибо одним пшеном, которое там находилось, могли бы погрузить три или более судна, подобных “Юноне”³¹.

Часть захваченных во время “экспедиции” 1806 года в японских факториях в губе Аниве вещей лейтенант Хвостов переслал по реестру камергеру Н.П. Резанову:

1. “Кумирня.
2. К ней два фонаря.
3. К ней две пары платья, употребляемого во время служения.
4. Три платья обыкновенные.
5. Аптека, которая хотя не заключает в себе ничего огромного или важного, но должна быть любопытна и можно по оной судить о познании их в медицине.
6. Партикулярная их переписка, которая тоже не может быть важна, но для Вашего превосходительства, как занимающегося японской словесностью, любопытна.
7. Инциклопедия.
8. Один большой и один малый кантор с принадлежащими к ним гирями.
9. Три сабли, которые привозят для торговли с сахалинцами.
10. Одна японская часина.
11. Один ящик с обыкновенною столовою посудю.
12. Штемпели.
13. Простая палка, употребляемая у сахалинцев знаком дружества.
14. Несколько кусков бумажной материи, которая японцами привозится на Сахалин для торговли.
15. Камка (?).
16. Щеты.
17. Словарь сахалинского языка, за верность которого могу поручиться.”³²

Как распорядился Хвостов основной добычей, в архиве данных нет.

4. Второй пиратский набег

Касаясь планов на вторую экспедицию Хвостов доносил в Санкт-Петербург: “Посему я решил сей весны зайти в Аниву непременно и мы получим следующие выгоды от сего похода:

1. Освободим айнов от тиранства японского.
2. Получим богатый груз хлеба, который доставит подкрепление в Америку.
3. Покажем японцам, что намерены ежегодно посещать Аниву.
4. Можем захватить большое число людей для доставления в Америку”.

Вторую экспедицию Хвостов намеревался закончить к половине июня, затем зайти в Охотск, а оттуда - в Америку³³.

Планируя вторую экспедицию, Хвостов предупреждал российские власти, что не ручается, “проходя мимо Матмая, когда случится увидеть селение соразмерно силам нашим, что оставлю оное без покушения, может быть, что сие не столь хорошо примется, но думаю нет разницы, на Сахалине ли, на Матмае ли, или в другом каком месте причинить вред японцам тем более еще, что в инструкции сказано: пленников взять где не встретится только проявить человечество, исполнение чего всегда и везде для каждого из нас будет первым правилом”³⁴.

Перед выходом из Петропавловской гавани лейтенант Хвостов отдал письменную инструкцию мичману Давыдову, командиру тендера “Авось”, в которой приказал описать 7-й остров Курильской гряды (Шияшнекотан), а затем идти на поиски Звездочетова на о. Уруп³⁵. Независимо от поисков последнего далее Давыдов должен был следовать в губу Анива на соединение с “Юноной”.

Хвостов предписал Давыдову выждать одни сутки и если к этому времени “Юнона” еще не подойдет в залив Анива, одарить коренных жителей Сахалина, и если “силы ваши будут недостаточны и увидите, что магазины их (японские - прим. А.К) изобилуют грузом начинайте с помощью божией поступать, как сказано в инструкции его превосходительства; буде же магазины их пусты, груз еще на судах и силы ваши будут против них таковы, что на верное приступить не можете, то самым мягким образом препровождайте время, дожидаясь меня”³⁶.

³⁰ Там же, стр. 59.

³¹ Там же, стр. 59.

³² Там же, стр. 66.

³³ Там же, стр. 60.

³⁴ Там же, стр. 61.

³⁵ Группа добытчиков меха под руководством Звездочетова была заброшена на о. Уруп несколько лет назад.

³⁶ Там же, стр. 63.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

Если же Давыдов там найдет два или более японских судна, то в таком случае он не должен становиться на якорь, а лавировать, не входя в губу. В случае же “нечаянной встречи или нападения японцев, на вид храня человечество, поступайте как с неприятелем”³⁷.

Как следует из судового журнала Давыдова, 4 мая 1807 года корабли вышли в море, а 19 мая он уже высадился на остров Итуруп к замеченному селению. Его встретили два японца и пригласили войти в дом, где угощали рисом, борщом, прекрасною копченою рыбою и курительным табаком. Такой прием тронул храброго мичмана и он был даже вынужден признаться, что “отклонил меня от всякого неприязненного поступка”³⁸, как грабеж.

Давыдову удалось выяснить, что “заведение японцев было сделано для соления рыбы, работы отправлялись курильцами, а малое число японцев надсматривали только над ними. Два магазина, сделанные из травы и жердей, были набиты солью, соленой и сушеной рыбою и жиром рыбьим в боченках или закупоренных кадках, да еще два деревянные были заперты и я не хотел смотреть, что там есть”³⁹.

Японцы сообщили Давыдову, что на Итурупе, недалеко от них есть другое селение, где в настоящее время находятся два судна. Давыдов был человек хитрый и в меру осторожный, а поэтому “решился не трогать их до прихода “Юноны”, опасаясь, что они дадут знать о том на суда и они могут уйти”⁴⁰.

20 мая Давыдов встретился с Хвостовым и они “решили потребить день селению и иттить тотчас же в Ойду”⁴¹, т.е. в селение, о котором ранее удалось узнать Давыдову.

После завтрака отправились на берег. “Японцы, увидев много людей, перепугались и собрались бежать, однако их схватили”⁴². В селении было много соленой рыбы и соли, “но пшена весьма мало и мы отдали большую часть онаго курильцам, а факторию сожгли”⁴³.

Давыдов, потешаясь, пишет, что захваченные “бедные японцы перепугались и спрашивали, не будут ли их резать”⁴⁴. Но благородные русские морские офицеры не стали этого делать, а отвезли их на судно и японцы совершенно успокоились, увидев там еще четверых своих земляков, которых Хвостов захватил в прошлом году на Сахалине. Давыдов не остался в долгу перед гостеприимными японцами, которые его днем раньше угощали в своем доме, поэтому и он “потчевал их чаем и всем, что имел, а через полчаса они стали совершенно спокойными”⁴⁵. Один из японцев был оставлен на тендере “Авось”, а четверо были отвезены на “Юнону”, чтобы с их помощью отыскать селение Ойду.

Вскоре указанное селение было обнаружено, но когда Хвостов со своими людьми хотели пристать в Ойде к берегу, то неблагодарные японцы открыли стрельбу. Но их быстро отогнали ответными залпами с российских кораблей, а затем русские высадились на берег с пушкою. Японцы стреляли из-за строений, однако никого не ранили. Вечером японцы пытались стрелять по тендеру “Авось”, но никакого вреда не причинили.

25 мая японцы из селения в панике бежали и когда русские моряки вошли в него, там никого из жителей не было, но зато без боя была захвачена богатая добыча, в том числе две пушки.

Кроме того, высадившиеся на берег обнаружили, что “12 или 13 магазинов избыществовали пшеном, платьем и товарами всякого рода”⁴⁶. Давыдов удивляется, что все увиденное “было столь необыкновенно, что мы не понимали даже употребления множества вещей”⁴⁷.

И тем не менее, российские моряки, будучи рачительными хозяевами, захваченные вещи начали свозить с берега на свои суда. Однако “все шло хорошо до того времени, како люди добрались до саги”⁴⁸, а тогда многие из них перепились и с ними труднее было обходиться, нежели с японцами”⁴⁹. Вот это да!

Давыдов, который возглавлял группу по вывозу захваченного имущества, попытался уничтожить сагу, “но оной во всяком доме было такое множество, что невозможно было всей отыскать, а хотя у большого подвала и стоял караул, но сие нимало не помогало. Можно сказать, что все наши люди сколько хороши трезвые, столько же пьяные склонны к буйству, неповиновению и способны все дурное учинить; почему первое при подобном деле должно стараться не допускать их напиваться”⁵⁰.

26 мая утром русским удалось изловить двух японцев, причем один из них был солдат, который

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 79.

³⁹ Там же, стр. 79-80.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 81. Ойда - гавань, где находились два японских судна, о которых Давыдов узнал от простодушных японцев.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр.86.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Сакэ - рисовая водка.

⁴⁹ Там же, стр. 86-87.

⁵⁰ Там же, стр. 87.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

выпил “от страха” столько саги, что еле проснулся. Один японец показал, что бежавшие из селения 50 японцев и семь офицеров прячутся в глубине острова в одной долине, а остальные бежали на противоположную сторону острова вместе с курильцами. Это насторожило Давыдова и во избежание неожиданного нападения японцев он приказал “сжечь магазин с их хлебом и кумирню”⁵¹, которые мешали обзору.

Вечером того же дня прибыл от Хвостова с “Юноны” посланец лейтенант Карпинский и передал приказ возвращаться всем на суда. Основной причиной этому, видимо, послужило то, что “при развращенности промышленных должно было всего ожидать”⁵². Однако этот приказ было не так просто выполнить, ибо при сборе людей не смогли отыскать трех человек с “Юноны” и одного с “Авось”. “С наступающей ночью принуждены были зажечь несколько магазинов (подчеркнуто мною - А.К.), и с людьми и пушками перебрались на гребные суда”. В связи с тем, что четверо российских моряков так и не появились, то для их ожидания оставили вооруженный баркас во главе со штурманом.

На второй день лейтенант Карпинский посетил еще одно японское поселение, которое оказалось пустым, кроме рыбных магазинов, “кои все сожжены”⁵³.

Утром 27 мая возвратился баркас с отрядом, оставленным для розыска оставшихся, но без них. Затем двоих из оставшихся удалось уговорить вернуться, а два других, угрожая своим бывшим сотоварищам оружием, ушли в горы. Один из них китаец и ссыльный, которого необходимо было доставить на Аляску.

Давыдов недоумевал, “с каким намерением решились они остаться в таком месте, где русские все выжгли и где они уверены быть истязанными, попавшись в руки японцам”⁵⁴. Предположения не обманули Давыдова... Беглецы были пойманы и обезглавлены айну, а их головы были доставлены в Японию.

Давая оценку разграбленному селению, которое было сожжено, Давыдов предположил, что японское правительство “положило сему селению быть главным на всех Курильских островах, на коих японцы промыслы рыбные отправляют. Оно было самым северным во всей Японии, снабжено было гарнизоном, из чего ясно кажется, что народ сей давно опасается русских”⁵⁵.

Взятые в Найбо японцы сообщили, что в селении было около трехсот японцев. В местечке имелись большие столярные, кузнечные и слесарные мастерские, что говорило о том, что там имелось немало ремесленников. В селении также строились лодки и небольшие суда, которые поставлялись на Матмай. Самый большой сарай был занят приспособлениями для производства саги.

Селение было достаточно обжитым. Даже дороги были выпланированы и устланы песком или камнем. В двух местах японцы начали заводить сады, берег реки был отделан, а красивый мост через нее представлял “изрядную картину”. Давыдов признавал, что во время набега было “сожжено много знатных рыбных магазинов, потеря коих может быть чувствительна в некоторых японских провинциях Японии, особливо при неурожае пшена”⁵⁶.

7 июня “Юнона” подошла к селению айнов на о. Матмай, где было замечено два японских магазина и несколько японцев, однако погода была плохая и фрегат взял курс на залив Анива, где 12 июня лейтенант Карпинский был отправлен с двумя ялами с “Юноны” и байдаркою с “Авось” “для осведомления от айнов о том, есть ли ныне в сей губе японцы”⁵⁷.

Через некоторое время отряд возвратился и привез с собой 12 айнов, которые поведали, что “по сожжении здесь прошлого года японской фактории, они дали знать о том на Матмай, куда будто посылали и одну медаль и что после сего ни одно японское судно в губу Анива не приходило. Сахалинцев одарили весьма щедро и дали несколько сорочинского пшена, после чего они стали просить солоду. Им задали вопрос: зачем?”

“- Саги сделать, сказали они... сие показывает, что сахалинцы лишившись торговли с японцами не потерпят ничего, не имея еще времени привыкнуть к их произведениям. Правда они пристрастны к курительному табаку и ныне за неимением онаго курят струмик, но довольны, получив полную свободу... Вот за что они должны благодарить русских”⁵⁸.

14 июня возвратившийся с берега Карпинский сообщил, что он посетил два селения, но в них не видел ни одного сахалинца, но обнаружил два новых японских сарая, которые сжег.

В 6 часов 15 июня суда подошли к той японской фактории, против которой останавливался на “Надежде” Резанов. Однако, к большому разочарованию там поживиться было нечем - нашли там только соломенные сараи для сушки рыбы, да несколько больших чугунных котлов, а все остальное

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Так именовали служащих РАК, которые должны были быть доставлены на Аляску или высажены на Курильских островах для “промысла” интересующих компанию товаров.

⁵³ Там же, стр. 88.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 89.

⁵⁶ Там же, стр. 91.

⁵⁷ АВП РИ, стр. 102.

⁵⁸ Там же, стр. 105.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

разграбили сахалинцы после того, как Хвостов забрал и увез с собой захваченных японцев. Взяв несколько больших котлов, остальное изломали, а все японские сараи сожгли⁵⁹.

22 июня тендер “Авось”, потеряв из виду “Юнону”, обогнул мыс Номабо острова Матмай, заметил у берега стоявшее на якоре японское судно, люди из которого перебирались на берег, поэтому когда русские к судну пристали, то не нашли ни одного человека. Тогда Давыдов приказал отрубить два якоря, на которых судно стояло, поднять парус и подвести к тендеру “Авось”. Груз судна состоял из пшена, соли, небольшого числа товаров и множества пустых бочонков, в которых должны были перевозить жир.

23 июня тендер подошел к японскому судну “для взятия груза, принужден был сломать свой трюм и освободиться от каменного балласта. Работа была трудной и опасной, да еще в открытом море, но необходимая для “взятия” большого количества пшена. “На сей раз, - признается Давыдов, - я должен отдать справедливость своим людям, десять человек коих работали так успешно, как я нимало не мог ожидать... пришлось вынимать канаты и ломать все трюмы, запасные паруса и такелаж выстелены были на палубе, водяные бочки переставили на руках... и уже к 8 вечера все было на месте, в судне (имеется в виду “Авось” - прим. А.К.) не осталось ни одного камня, а на место оно положено 220 мешков сорочинского пшена, более чего судно мое не могло поместить, хотя и не было перегружено... Прежде всего в Шана было взято от 30 до 40 мешков и так всего в судне находилось до 900 пуд пшена и 200 пуд соли, исключая 7 или 8 бочек саги и множество мелочных товаров от чего трюм, каюта и камбуз так были забиты, что мы не могли где стать”⁶⁰.

А что же японское судно? На следующий день по приказу Давыдова японское судно было подожжено. “Сначала огонь бросился повсюду, но когда подгорела трава и рогожа, то огонь стал тише. Позже видели, как мачта упала на корму, наконец погорели два каната, на коих судно стояло и тогда течением понесло его в пролив между Рио-шери и Рипон-шери”⁶¹.

25 июня русские корабли обогнули Пик-де-Лангль и моряки увидели несколько японских селений, а у них два небольших и одно большое судно. “Юнона” пошла поближе к селению и высадила десант. На судне не было ни одного человека, груз состоял из соленой рыбы, копченых сельдей, жиров и нескольких мешков пшена. По всей вероятности, сделал заключение Хвостов, судно возвращалось с северной стороны Матмая или с Курильских островов.

“Взяв то, что я мог поместить к себе, - откровенничал в докладе Хвостов, - провертел судно в разных местах, но дабы на ночь не класть своих якорей или не лавироваться, велел заколотить оныя... повыдергивать ногеля поутру и утопить тем судно. Воды пресной у меня оставалось очень немного и рад был, что мог налить с сего судна 8 бочек без всяких хлопот... Ночью оторвало якорь... я послал отомкнуть проверченные вчерась скважины одного человека, который с великою нуждою и опасностью мог перебраться по канатом на японское судно, кои то отдавало, то вытягивало и выбрасывало человека вверх с великою силою... и т.д. посланный успел ототкнуть все дыры и он конечно своим проворством только обязан себе”⁶². Судно тонуло долго и российские моряки ждали целый день пока оно уйдет в морскую пучину.

27 июня в 1 час ночи тендер “Авось” лег на якорь недалеко от “Юноны” напротив японского заведения, состоящего из сараев с рыбой. “Там же стояло два японских судна, одно из них шло в губу Анива, везло бонжоса, попа, четырех или пятерых солдат, пушку и несколько других оружий. Людей разумеется мы не нашли ни на судне, ни на берегу, ибо они задолго да того все скрылись на Пик-де-Лангль. Шедшее в Аниву судно было из Ниппона... На нем нашли описание приходу “Надежды” с посольством в Нагасаки, желание торговли с нашей страной, отказу в том и пр.: нашли портрет господина Резанова и стоящего подле него гренадера с ружьем”⁶³.

Кроме того, на судне “нашли много карт, глобус, скопированный кажется у голландцев, виды мысов Анива, Крильон.... “Юнона” грузила с сего судна пшено и другие вещи... в другом же судне была только рыба, здесь кажется в него загруженная, ибо судно стояло у самого селения на 6 якорях. Судно с Ниппон было выкрашено красной краскою, что по словам японцев, означало, что оно казенное... По полудни перевезли весь лучший груз и пшено на “Юнону”, а потом сожгли сараи и суда”⁶⁴.

Утром 28 июня лейтенант Карпинский во главе отряда из 16 человек высадился на берег и углубился к северу на 8 миль, нашел японское заведение из четырех больших казарм и нескольких сараев состоящих, но людей в оном не было, а видели вблизи только одного, который скрылся... Селение было совершенно пусто... Лейтенант Карпинский сожегши сие заведение (подчеркнуто мною - А.К.) возвратился на “Юнону”; тогда и лейтенант Хвостов отпустил всех японцев как то им было обещано, исключая двоих. Им дали большую японскую лодку и снабдили всем, чем они хотели... Два купца взяли образцы всех лучших сукон и многих других товаров, дабы показать своим соотечественникам, что они

⁵⁹ Там же, стр. 107.

⁶⁰ Там же, стр. 109.

⁶¹ Там же, стр. 112.

⁶² Там же, стр. 113.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр.114.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

могут получать от нас, если только торговля установится. Японцы сии знают жестокость и в то же время робость своего правительства. Уверены были, что после учинения военных действий, оно неминуемо согласится. Они говорили, что для них все равно Японии или России будут принадлежать Курильские острова и Сахалин, только бы позволить им ходить на оные для покупки рыбы”⁶⁵.

Российские суда взяли курс на родину.

5. Бандитский Петербург

Совершив разбойные нападения против японцев, нагрузившись выше ватерлинии награбленным, “Юнона” и “Авось” 16 июля 1807 года прибыли в Охотск. Однако, здесь их встретили неласково: русские пираты были арестованы и против них было начато следствие. Но у храбрых моряков, видимо, были высокие покровители. Фантастическим образом им удалось бежать из-под стражи и они добрались до Санкт-Петербурга. Н.П. Резанов к тому времени умер и моряки отделались легким испугом - высокие власти слегка их пожурили, да и отправили служить во флот. Хвостов и Давыдов отличились в морском сражении со шведами, но Александр I приказал не выдавать им заслуженных наград.

Правда, российский самодержец оказался куда милостивее, когда встал вопрос об оплате трудов праведных Хвостова и Давыдова. В 1804 году они “завербовались” на службу в РАК с годовым содержанием соответственно в 4 тысячи и 3 тысячи серебряных рублей. Огромные по тем временам суммы! Однако, находясь в 1806-07 годах в “секретных экспедициях”, они фактически в РАК не работали и она отказалась им платить.

Министр иностранных дел и коммерции граф Румянцев 2 августа 1808 года обратился с рапортом к Александру I оплатить жалованье и все расходы Хвостову и Давыдову, в том числе, связанные с бегством из Охотска в Санкт-Петербург, в сумме 24 тысяч рублей... за счет вещей, награбленных у японцев. Граф извинительно просил царя:

“Сие полученные вещи хотя поступили без цены и какая выручка из них последует хотя теперь еще и неизвестно, но уповательно, что из главных статей: пшена японского, напитка саги и из чего-нибудь другого выручиться столько, чтобы вознаградить то жалованье, которое ныне их удовлетворить должно”⁶⁶.

О результатах своего ходатайства перед царем 9 августа 1808 года граф Румянцев сообщал морскому министру П.В. Чичагову:

“...Его Императорское Величество повелеть изволило сего дела (имеются ввиду пиратские набеги на японские селения - прим. А.К.) им в вину не ставить; и вместе с тем изъявил высочайшее соизволение, чтобы за время бытности их в сей экспедиции удовлетворены они были жалованьем на счет вывезенных ими японских вещей и товаров... Жалобы помянутых офицеров на жестокие с ними поступки начальника Охотского порта Его Величество повелел передать по принадлежности рассмотрению Вашего ведомства с тем, чтобы вы в первой декаде изволили доложить о сем Его Величеству”⁶⁷.

Вскоре комендант порта Охотск подполковник Бухарин со службы был уволен, но он оставил список награбленных у японцев вещей, конфискованных на фрегате “Юнона” и “Авось” в 1807 году. В этом перечне 173 наименования товаров. Из основных изъятых “трофеев” выделили следующие:

- пшена белого без мешков чистого - 2283 пудов и 26 фунтов;
 - солоду - 11 пудов и 5 фунтов;
 - соли - 266 пудов и 36 фунтов;
 - саги мерой (напиток слабый) - 100 ведер;
 - тож в бочонках - 16 штук.
- Ведомость вещей, захваченных Хвостовым и Давыдовым у японцев в 1807 году:

№ №	Наименование това- ров	Юнона	Авось	В сум- ме					
1.	Домовых разных изо-	4	-	4	2.	бражений богов Комодец с книгами и морская карта	1	-	1
					3.	Доска черная с япон- скими надписями			

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 168.

⁶⁷ Там же, стр. 169.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

4.	Дверей обыкновенных филенчатых больших	4	-	4	изломанных без стекол			
5.	Дверей обыкновенных филенчатых малых	5	-	5	56. Футов медных	1	1	2
6.	Миска под лаком	-	2	2	57. Подсвечников медных	1	1	2
7.	Солонки	-	2	2	58. Щипцов медных	2	1	3
8.	Кадушек деревянных с крышками	4	0	4	59. Ширкунцов медных	3	3	6
9.	Кадушек деревянных без крышек	-	1	1	60. Безменчиков медных	2	2	4
10.	Кадушек деревянных без ножек	-	1	1	61. Шаров деревянных	1	1	2
11.	Чайников глиняных	-	1	1	62. Скамеек на ножках под лаком	3	3	6
12.	Чайников чугунных	-	1	1	63. Ситцов волосяных с деревянным ободом	1	1	2
13.	Чайников с крышками и без	9	3	12	64. Ношников медных	1	1	2
14.	Тоже без крышек поломанные	-	3	3	65. Картин на бумаге	3	3	6
15.	Чугунных гирь	1	1	2	66. Замков висячих	5	5	10
16.	Молошников деревянных	1	-	1	67. Тож ломаных	1	1	2
17.	Блюдец глиняных	173	15	188	68. Ключей	10	10	20
18.	Чашек деревянных разных	110	28	138	69. Стекол	1	1	2
19.	Зеркал медных больших и малых	1	7	11	70. Крыльев птичьих	8	8	16
20.	Ящичков под лаком больших и малых	32	26	58	71. Карт колода	1	-	1
21.	Шкатулочек под лаком деревянных	-	6	6	72. Халатов бумажных	-	3	3
22.	Комодцев под лаком небольших	1	2	3	73. Рубах бумажных	-	6	6
23.	Ложек японских или вилочек под лаком	64	-	64	74. Платков бумажных пестрых	-	13	13
24.	Щеток деревянных	3	3	6	75. Кушаков бумажных	18	-	18
25.	Гребенок деревянных под лаком	20	13	33	76. Кушаков добинных	3	-	3
26.	Подносов деревянных (употребляются вместо тарелок)	122	44	166	77. Кушаков гарусных полосатых	-	12	12
27.	Котлов медных	-	1	1	78. Кушаков шелковых	-	3	3
28.	Котлов чугунных	-	7	7	79. Рубах из урупки матерчатых	124	-	124
29.	Тож ломаных	-	4	4	80. Нагрудников детских	-	3	3
30.	Кастрюль медных	2	2	4	81. Нагрудников для большого роста	-	100	100
31.	Кастрюль чугунных	1	1	2	82. Соболей поротых низшего сорту	35	-	35
32.	Ширм больших	2	-	2	83. Выдр поротых того же сорту	50	-	50
33.	Ширм малых	2	-	2	84. Платья верхнего шелкового	35	-	35
34.	Туши японской (кусков)	11	-	11	85. Платья полушелкового	50	-	50
35.	Чернильниц медных	-	2	2	86. Платья бумажного	100	-	100
36.	Баночек медных с крышками	5	-	5	87. Платья гарусного	95	-	95
37.	Баночек медных без крышек	3	8	11	88. Тож нижнего стеганого полушелкового	43	-	43
38.	Шпилек оловянных	10	8	18	89. Тож нижнего стеганого бумажного	150	-	150
39.	Бритв без футляра	10	8	18	90. Камзолов китайных	22	-	22
40.	Бритв без футляра	-	5	5	91. Штанов бумажных	15	-	15
41.	Футляров деревянных	9	9	18	92. Штанов китайных	21	-	21
42.	Ножичков маленьких	30	6	36	93. Передников бумажных	2	-	2
43.	Ножниц маленьких	-	6	6	94. Поясных шнурков	-	18	18
44.	Трубочек курительных	11	21	32	95. Пологов кропивных	10	-	10
45.	Рог из раковины	1	-	1	96. Тюфяков стеганых на бумаге	28	8	36
46.	Бумаги пищевой	1/2 стоп	-	1/2 стоп	97. Одеял бумажных стеганых	19	-	19
47.	Чаю японского в двух ящиках	2 пуд 30 ф	-	2 пуд 30 ф	98. Простынь бумажных	-	2	2
48.	Табак курительного	5 пуд 15 ф	1 пуд	6 пуд 15 ф	99. Бумаги хлопчатой	23 ф	21 ф	1 пуд 4 ф
49.	С книгами корзина	1	-	1	100. Пестреди кусков	13	-	13
50.	Корзинок больших и малых	9	9	18	101. Материи бумажной	1 пачка	14 штук	1 п.-14 шт
51.	Фонарей бумажных побитых	9	9	18	102. Материи креповой	-	2	2
52.	Тож вовсе негодных	2	2	4	103. Материи бумажной в 3х остатках	-	3	3
53.	Свеч больших и малых	1 пуд 30 ф	-	1 пуд 30 ф	104. Китаек разных цветов	36	-	36
54.	Банок деревянных под лаком	3	3	6	105. Китаек в 3-х остатках	-	3	3
55.	Зрительных трубок	1	1	2	106. Зонтиков	5	-	5
					107. Вееров бумажных	8	12	20
					108. Дах черных	-	5	5
					109. Дах синих	12	-	12
					110. Дах белых	60	20	80
					111. Мотушек разного цвета	-	320	320
					112. Ниток бумажных	15 ф	-	15 ф
					113. Топоров	2	2	4
					114. Пил разных больших	2	-	2
					115. Пил разных малых	9	-	9

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

116	Пил, похожих на тимерманские с черенками	-	8	8	147	Луков под лаком	-	16	16
					148	Лат железных	28	27	55
					149	К ним нарукавников с нарыльниками	2	-	2
117	Пил, похожих на тимерманские без черенков	-	8	8	150	К ним набородников	-	2	2
					151	Одних нарукавников	29	-	29
118	Крючков железных с черенками	-	2	2	152	Щитов под лаком	11	-	11
					153	Щитов жестяных	12	9	21
119	Ножей больших	3	2	5	154	Позолоченная шашка	1	-	1
120	Клещи	1	-	1	155	Пищаль медная	1	-	1
121	Молотков	2	-	2	156	Ложа пищальная	-	1	1
122	Рымбоутов железных	2	-	2	157	Пушек медных негодных	2	-	2
123	Брусков каменных	7	7	14	158	Маленьких медных мортир	1	2	3
124	Скоб железных	13	-	13	159	Ружей с медными замками фитильных	13	21	34
125	Стружей с колотками и железцами	4	-	4	160	Шпаг разного рода	-	15	15
126	Тож одноручных	-	22	22	161	Клинок шпажных	-	4	4
127	Долот разных	14	41	55	162	Ружейных чехлов суконных	2	-	2
128	Карнизов, зынзубелей, шитеников	-	14	14	163	Ружейных чехлов кожаных	30	6	36
129	Зубил железных	50	-	50	164	Пик железных	12	8	20
130	Напилков столярных	152	-	152	165	Интрепелей на дровках	1	-	1
131	Петель железных	12	12	24	166	Японского пороха или мякоти	20 ф	15 ф	35 ф
132	Лоскут парусины бумажной	1	-	1	167	Султанов черных вместо лебард	8	-	8
133	Компасов	5	-	5	168	Калибров ружейных для пуль	2	2	4
134	Флажков фалсовых	3	2	5	169	Барабанов	1	1	2
135	Флажков китайных	10	-	10	170	Значек	1	1	2
136	Флажков дабыных	-	4	4	171	Пшеница белого без мешков чистого	1720 п	563 п	2283 п
137	Кошек маленьких 4-х лапных с цепочками	4	4	8	172	Солоду	26 ф	-	26 ф
138	Железа брусков	2	2	4	173	Соли	11 п 5ф	70 п	11 п 5ф
139	Пистолет	1	-	1			196 п 36	-	266 п 36
140	Сума патронная с 8 патронами	-	1	1	174	Саги мерной, напиток слабый	100 ведер	-	100 ведер
141	Кинжал	-	1	1	175	Тож в боченках	16	-	16
142	Поясов	-	2	2					
143	Колчан травяной	-	-	1					
144	Колчан под лаком без крышки	-	3	3					
145	Колчан под лаком с крышкой	-	12	12					
146	Стрел камышевых под лаком с железными копейцами	457	233	690					

Правда, в своей жалобе Хвостов указывает, что груз “имел от трех тысяч двухсот и до трех тысяч восьмисот пудов сорочинского пшена, разных шелковых и бумажных материй, до пятисот ведер японской водки, лучшей лакированной посуды, до трехсот разных книг, ...из товаров на сто тысяч рублей едва ли найдется и половина целого, все разграблено, переломано и вряд ли есть какое-нибудь состояние людей в Охотске, которые бы не имели японских вещей”⁶⁸.

6. Японские невольники

Совершая свои пиратские набеги на японские селенья, Хвостов захватил “в плен” нескольких японцев, которых затем выпустил на волю, за исключением двоих - Сахээ и Накагава Городзи, которых вывез в Охотск. Хвостов не только обрек двух японцев на несколько лет мучений, которые не смог вынести Сахээ, но и создал головную боль даже Александру I.

Первым забил тревогу Сибирский губернатор Постель, который 20 мая 1809 года направил в Санкт-Петербург “Записку о японцах в Охотске”.

“В Охотске находятся два человека японцев, завезенных туда лейтенантом Хвостовым. Известно, что они были на содержании Российско-американской компании находятся в самом бедственном положении - питаюсь по тамошнему месту одною почти рыбою, которое свойственно только уроженцам тамошним, живущим в совершенной праздности, и сколько от оной, столько и от вредного климата страдают цынготной болезнью. Между тем сказывают, что сии японцы имеют довольно хорошие способности ума, а особливо один из них. Софи весьма понятно говорит по-русски и даже переводит с японского на русский язык”⁶⁹. Далее губернатор предложил доставить японцев в Иркутск для преподавания японского языка.

Однако Санкт-Петербург не спешил с ответом и губернатор Пестель через год (15 мая 1810 г.)

⁶⁸ Там же, стр. 300.

⁶⁹ Там же, стр. 178.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

снова пишет министру иностранных дел и коммерции Румянцеву письмо, в котором напоминал, что в прошлом году уже докладывал о вывезенных Хвостовым в Охотск двух японцев, оставленных там на попечение Российско-американской кампании, в самом бедном положении. Следствием худого содержания их было то, что они в июне прошлого года сделали побег, и до ноября не доходило о них никакого слуху. Ныне японцы сии отысканы около реки Ульи без платья и без пищи и потом нарочно-посланными к ним от начальника Охотского порта привезены в Охотск, где опять отданы под надзор компанейской конторы.

Начальник порта, входя в положение несчастных пленников сих и изъясняя, что они без всякого права лишены отечества своего, а с ним и всего блага их - просит дозволения или отправить их в свою отчизну, или доставить до северной оконечности острова Сахалина, откуда сыщут они случай достигнуть своей родины⁷⁰.

На этот раз ответ последовал почти незамедлительно 31 мая 1810 г. Румянцев писал: “...докладывал о японцах императору. Его Величество высочайше повелел изволить возвратить оных в отечество, снабдя от казны всем для сего нужным...”⁷¹.

Но не каждый приказ царя легко выполнить. И Пестель доложил Румянцеву 16 января 1812 г.:

“Я сделал... предписание по японцам. Но между тем, как происходила... переписка о средствах, какими бы лучше японцев сих отправить, они отлучились с служителем Российско-американской компании тобольским мещанином Рычковым на лодке в море для промыслу тюленей и назад уже не возвращались. Сделаны были распоряжения к их отысканию, однако тщетно.

Ныне же иркутский губернатор доносит по извещению якутского областного начальника, что один из сих двух японцев, Дежоймон, найден в Удском комиссариатстве. Он показал, что отлучаясь весьма часто из Охотска в море для промысла нерп они не могли один раз попасть в Охотское устье за множеством льда и принуждены были пуститься вдоль морского берега к удскому. Там пробыв три дня на китайской границе у гиляков, пошли к ясашным удского комиссариата, где товарищ его японец Софи, голодный, наевшись весьма много китового жира, умер от того. Служитель компании Рычков по дороге замерз, а он Дежоймон найден удскими казаками”⁷².

Оставшийся в живых Накагава Гародзи вернулся на родину только в октябре 1813 года, когда был освобожден из японского плена капитан Головнин с шестью моряками.

7. Бесславный конец

Несмотря на высокое покровительство, судьба не благоволила лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову. Осенью 1809 года в Санкт-Петербург приехал американский судовладелец Вульф, у которого РАК в свое время приобрела фрегат “Юнона”. 14 октября морские офицеры посетили американца на Васильевском острове, в гостях засиделись и не успели во-время вернуться на Петроградскую сторону. Их попытка перескочить через разводившийся мост оказалась трагической - они утонули в Неве.

Корабли “Юнона” и “Авось” ненадолго пережили своих бывших командиров - в следующем году у берегов Аляски они погибли с экипажами во время шторма.

Однако, несмотря на трагическую гибель наших героев, если вопрос заходит об истории российско-японских отношений, их фамилии на слуху у японцев по сей день и являются как бы мерой отсчета начала российско-японских отношений.

Обратимся снова к Д. Поздневу, который, оценивая набеги Хвостова и Давыдова, писал: “Самым важным по своим последствиям фактом в истории первых сношений России с Японией необходимо считать, конечно, экспедиции лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова против северных японских островов. Память о них, изгладившаяся в России, живо сохраняется до сего времени в Японии, факт, с которым нам необходимо самым тщательным образом считаться, когда мы разсуждаем о психологии отношений японцев к русским. ... составляет совершенно отдельный... вопрос о том, каким образом влияли экспедиции Хвостова и Давыдова на образование в Японии той ненависти к России, которая проходит красною нитью через все японские сочинения, трактующия о России”⁷³.

Эти слова были сказаны более 90 лет назад. Но они верны и сегодня. Вот что пишет в наши дни японский общественный деятель Суэцугу Итиро о японско-российских отношениях: “... Правительство России и в 1803 году снарядило в Японию миссию под началом Николая Петровича Резанова (1764-1807), но Резанов по прибытии в Нагасаки на полгода попал под строгий надзор. Ему отказали даже в приеме государственной грамоты и подарков. От такого непочтительного отношения подчиненный Резанову капитан Николай Александрович Хвостов пришел в ярость и стал в период с 1806 по 1807 год нападать на японские поселения и сторожевые посты на островах Сахалин, Итуруп и Рисири,

⁷⁰ Там же, стр. 179.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, стр. 181.

⁷³ Д. Позднеев, цит. соч., стр.111.

ПИРАТСКИЕ КОРАБЛИ “ЮНОНА” И “АВОСЬ”

Алексей Кириченко

поджигал дома, насиловал и грабил население. Этот инцидент отрезвил японцев, которые, уповая на закрытие страны, пребывали в благодушном настроении, и породил вполне определенное чувство страха перед Россией⁷⁴. Простим некоторые неточности в изложении японского автора, но главная мысль изложена верно.

Автор прав в основном - в том чувстве недоверия японцев к русским, которое культивируется в Японии около 200 лет. Поэтому нельзя согласиться с утверждением Э.Я. Файнберг, которая убеждала читателя: “Многие иностранные историки изображают Хвостова и Давыдова пиратами, игнорируя их патриотические побуждения, гуманное отношение к айну и японцам, выполнение инструкции Резанова “максимально щадить человечество”⁷⁵”.

Зачем обижаться на иностранных историков, которые говорили правду? Если мы будем избегать правды, то нам никогда не добиться доверия японцев. Трудно сказать, какими мотивами руководствовались Хвостов и Давыдов, грабя японцев. Только не патриотическими.

Алексей Кириченко, Институт востоковедения РАН, Отдел южно-тихоокеанских исследований ■

Поступившие материалы **не рецензируются** и авторам **не возвращаются**.

Мнения в авторских материалах могут не совпадать с мнением Редколлегии.

При перепечатке **ссылка на Информационно-аналитический бюллетень обязательна**.

Распространяется **бесплатно**. **Периодичность**: один раз в два месяца.

© **Депутатская группа по связям с парламентом Японии**

Редколлегия: В.А.Буткеев, В.Н.Ерёмин, М.М.Задорнов, О.И.Казаков (отв.секретарь), Е.Н.Кручина

Адрес: Россия, 103265, Москва, Охотный ряд 1, депутату ГД РФ М.М.Задорнову

Тел. (095)292-1609, *факс* (095)292-9000, *e-mail* zadornov@duma.gov.ru

⁷⁴ “Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией”, пер. с японского, М., “Материк”, 2000, стр.49-50.

⁷⁵ Э.Я. Файнберг, цит. соч., стр. 103.